

© 2002 г. О.Н. СЕЛИВЕРСТОВА

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА НА ФОНЕ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ*

* * *

Этот обзор – последняя статья Ольги Николаевны Селиверстовой (1934–2001), она уже не увидела ее в окончательной редакции.

Ольга Николаевна работала в Отделе германистики Института языкознания РАН и преподавала – как англист – теоретические курсы в РГГУ на кафедре иностранных языков факультета теоретической и прикладной лингвистики и в Московском государственном лингвистическом университете. Однако ее лингвистические интересы были, как известно, гораздо шире германистики: Ольга Николаевна занималась исследованием местоимений, предикатов, предлогов и наречий, посессивности, аспекта, актуальным членением, ее всегда глубоко занимали проблемы теоретической семантики, причем самого разного свойства. Она автор нескольких фундаментальных монографий: о компонентном анализе, об экзистенциальности и посессивности, о контрастивной семантике, о пространственных предлогах (в соавторстве с Т.Н. Мальяр) и др. Многие задачи она ставила одной из первых [ср., например, ее знаменитую раннюю работу о семантике неопределенных местоимений – статью "Опыт семантического анализа слов типа *все* и *кто-нибудь*" (ВЯ. 1964. № 4), которая до сих пор остается одной из самых цитируемых статей на эту тему], и взгляд ее на эти проблемы был всегда нестандартным. В частности, Ольга Николаевна неизменно придавала большое значение экспериментальной работе, которая бы давала подтверждение теоретическим результатам семантических описаний. Ольга Николаевна любила говорить, что образцом для лингвистики должна быть такая наука, как физика; в эпоху всеобщей ориентации сначала на математику (особенно математическую логику), а затем – возвращения к традиционным гуманитарным "соседям" лингвистики, это была отчетливо самостоятельная позиция. Сама она называла свой подход "экспериментальной семантикой" и, как кажется, хорошо чувствовала обособленность своих исследований от лингвистических мейнстримов.

Ольга Николаевна действительно всегда была непохожа на других – но искала точки соприкосновения с другими, и в последнее время обращалась в этих поисках к новому направлению в западной лингвистике – когнитивной семантике. Эту ее статью нельзя в полной мере считать обзором: скорее, это заочный диалог Ольги Николаевны с когнитивистами – их точку зрения представляют цитаты из статей и книг (прежде всего, ведущих теоретиков когнитивизма – Р. Лангакера, Дж. Лакова, Л. Талми), а автор обзора придирчиво взвешивает все эти суждения на собственных весах, сравнивает с тем, во что сама верит, и соглашается, и спорит, и предлагает новые аргументы...

* * *

1. "Когнитивное" направление возникло в Америке в 70-х – 80-х годах и вскоре получило положительные отклики во многих странах и, в частности, в России.

В большинстве первых обзоров главная задача заключалась в том, чтобы познакомить читателя с основными положениями и терминологией "когнитивной" линг-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 99-06-82-001.

вистики, не давая им внешней оценки. Наряду с этим делались попытки определить место "когнитивных" исследований в общем развитии лингвистической науки и/или показать их сходства и отличия от некоторых других лингвистических течений. Общая оценка места данного направления в лингвистической науке иногда была почти диаметрально противоположной. Так, В.Б. Касевич, в целом положительно оценивая данное направление, в то же время утверждает, что оно не является новым ни по предмету исследования, ни по методу [Касевич 1998]. Напротив, в ряде других работ подчеркивается оригинальность и новизна общего подхода, например [Кубрякова 1994; 2002].

В данной статье также будут сопоставляться наиболее общие положения "когнитивизма" с соответствующими положениями других лингвистических направлений. В фокус рассмотрения попадут и частные особенности, во многом определяющие своеобразие общего подхода американской лингвистики.

Если не считать открытий нового предмета исследования, смена "парадигм" (во всяком случае в точных науках), как правило, происходит в результате разработки более тонких методов, которые позволяют получить новые данные, оказывающиеся в противоречии с существующими теориями. В отличие от этого, весьма частые смены парадигм в лингвистике XX века в значительной степени (не всегда, конечно) были вызваны не получением новых данных о языке, а сознательным или бессознательным стремлением упростить объект исследования с тем, чтобы к нему были приложимы более точные методы. Наиболее, может быть, ясно эта тенденция проявилась в американской лингвистике. Так, отказ от ментализма, который сначала привел к течению "бихейвиоризма", в сильной степени стимулировался тем, что, как думали некоторые лингвисты того времени (в частности, Л. Блумфильд), ментальные конструкты недоступны объективному исследованию. Затем бихейвиоризм сменился другими течениями, среди которых важное место занимал дескриптивизм, который также можно рассматривать как попытку "обойти" изучение тех ментальных структур, которые соответствуют "означаемому" языкового знака. Наконец, в период времени, непосредственно предшествующий появлению когнитивизма, значение стало отождествляться с условиями истинности употребления языкового знака (см. об этом [Кубрякова 1994; 2002]). В это же время в рамках синтаксических исследований ведущей становится теория порождающей грамматики, в которой формальная синтаксическая структура отрывалась от своего "означаемого". Такое понимание языкового значения и построения синтаксического уровня приводило к возможности применения формальных методов описания, но, как свидетельствуют многие языковые данные, не соответствует реальному построению языка (см., например, об этом [Кубрякова 1994; 2002]). Поэтому возникшая отрицательная реакция на сложившееся в американской лингвистике положение дел представляется закономерной. Ее представителями стали создатели "когнитивного" направления, одним из которых был Р. Лангакер. В своей статье "An overview of cognitive grammar", которая подводит итог первого периода существования данного направления и одновременно определяет общетеоретические посылки, лежащие в его основе, Лангакер первым рассматривает следующие три тезиса.

Во-первых, грамматика не является порождающей системой. "Грамматика просто обеспечивает говорящих инвентарем символических средств. Говорящие же используют эти средства для создания и оценки правильности языковых выражений вследствие своей способности к категоризации и установлению смысловых связей" [Langacker 1988: 5].

Во-вторых, в рамках когнитивной теории утверждается, что грамматические единицы по своей природе "соответствуют символам и не имеют существования, не зависимо от семантики и фонологических структур" [Там же: 5].

В-третьих, в отличие от широко распространенного в американской лингвистике понимания значения как условий истинности употребления языкового знака, Лангакер отождествляет значение с "готовым" концептом и с самим процессом концеп-

туализации. Он пишет: "В еретической концепции когнитивной грамматики значение отождествляется с концептуализацией (понимаемой весьма широко), которая должна быть эксплицирована в терминах когнитивной обработки" [Langacker 1988: 5] и дальше: «Когнитивная грамматика учитывает "субъективный" взгляд на значение. Семантическое содержание (value) языкового выражения определяется не только присущими объекту или ситуации, которые оно описывает, свойствами, но и, прежде всего, способом их представления» [Там же: 6–7].

Хотя можно спорить о тех или иных нюансах формулировок, все три приведенных Лангакером тезиса разделяются многими представителями мирового сообщества лингвистов других стран (и, в частности, России) и воспринимаются совсем не как еретические, а скорее как традиционные, хотя и не обязательно общепринятые. Напомню, например, отождествление означаемого языкового знака с концептом в теории Ф. де Соссюра, трактовку значения в психологической школе конца XIX – начала XX века (Штейнталь, А.А. Потебня), понимание значения Л.В. Щербой (значение = "наивное понятие"), А.И. Смирницким и многими другими лингвистами.

Вместе с тем, "бунт" американских когнитивистов, который еще раз показывает, что попытки оттеснить значение на задний план или "забыть" его ментальную природу неизбежно приводят к искажению самого предмета исследования, важен не только для американской лингвистики: и в общемировой лингвистике наблюдаются колебания, касающиеся как понимания природы значения (прежде всего – значение как концепт ↔ значение как денотативный класс), так и принятия положений генеративной грамматики. Кроме того, американские когнитивисты стимулировали дальнейшее развитие концептуальной семантики и тем, что ввели много новых интересных результатов, и тем, что, пересматривая ряд общетеоретических положений, вызвали споры, которые способствуют более глубокому пониманию сущности явлений. Такие спорные интерпретации и положения и будут рассмотрены ниже.

2. Хотя понимание значения как "концепта" ("наивного понятия") именно в том смысле, как этот термин трактуется Р. Лангакером, разделяется сейчас многими лингвистами, включая и автора данной статьи¹, существуют весьма большие расхождения в представлении о том, как этот "концепт" построен и как он соотносится с другими типами "знаний", имеющимися в сознании человека.

Р. Лангакер выдвигает положение о неоправданности отделения языковой семантики от прагматических характеристик и общих знаний о мире. Он пишет, что такое отделение можно провести, но при этом встает вопрос о том, "будет ли содержание этой выделенной части иметь независимую значимость и заслуживать серьезного интереса" [Langacker 1988: 17]. Представляется, что отказ от разграничения семантики и прагматики, семантики и общих энциклопедических знаний резко отрицательно сказался бы на успешном развитии рассматриваемой области исследований.

Важность отграничения "языкового концепта" (значения) от общих знаний о мире проиллюстрирую на примере, используемом самим Лангакером, но с противоположной целью. Рассматривая предложение *The ball is under the table*, Лангакер обращает внимание на то, что это предложение в обычном случае будет пониматься как сообщающее о положении мяча на той поверхности, на которой стоят ножки стола (рис. 1а). Однако из значения самого предлога *under* совсем не следует, что имеет место именно такое пространственное соотношение между столом и мячом. Значению этого предлога соответствуют и многие другие фигуры, например, b), c), d).

¹ В моих работах при этом часто подчеркивалось, что в акте речи языковой концепт предстает как та информация, которая через языковой знак передается о его денотате (при этом отделяется информация, передаваемая через контекст или общее знание о мире), см. например [Селиверстова 1976].

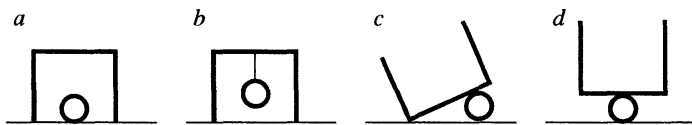

Рис. 1

Из этого наблюдения Р. Лангакер делает вывод о том, что значение предлога тесно переплетено с общими знаниями о мире (в данном случае о "конвенциональном" положении стола), что позволяет понять приведенное предложение, как соответствующее рис. 1а), а не б), с), d). Лангакер несомненно прав, говоря о том, что понимание языковых высказываний в значительной степени зависит и от общих знаний о мире. Однако отсюда не следует, что эти знания не отделены от той информации, которая передается через значения языковых знаков. Так, если бы значение предлога *under* в сознании говорящих на английском языке сливалось бы с знаниями об обычном положении предметов в пространстве (в данном случае столов), они не могли бы понять, почему все-таки данный предлог соответствует и ситуациям рисунков б), с), d), которые могут возникнуть, например, в контексте сказки? Таким образом, приведенный пример подтверждает представление о разделенности в нашем сознании языкового значения и общих знаний о мире. Из сказанного, конечно, не следует, что не могут существовать случаи, когда граница между этими типами знаний оказывается в той или иной степени размыта.

Что же касается семантики и прагматики, то здесь прежде всего важно отметить, что сам термин *прагматика* употребляется и в лингвистике, и в философии в весьма разных, а иногда и прямо противоположных смыслах [Степанов 1998: 377–380]; см. также [СЛТ 1966]. Если под прагматикой понимать прежде всего коммуникативную цель использования в речи языкового знака в данном значении, то различие между самим языковым концептом и тем, зачем он вводится в речевое высказывание, представляется очевидным. Например, слова *близко* / *далеко* несут информацию о величине расстояния между X-ом и Y-ом: X – это тот, чье пространственное положение устанавливается, а Y – тот, по отношению к кому определяется положение X-а. X при этом можно назвать референтом, а Y – релятумом. Введение такой информации связывается с весьма разными коммуникативными целями: указать на расстояние а) как на основание, сделавшее возможным / невозможным осуществление некоторого "действия" Y-ом (*Я стоял совсем близко от него и видел, что он записывал каждое ваше слово*); б) как на нарушение некой "нормы" (*Они сидели слишком близко*); в) как на источник эмоционального переживания Y-а (*Она впервые сидела так близко от меня*) и т.д. Интересно отметить, что ни в русском, ни в английском языках слова со значением расстояния, кроме некоторых особых условий, не употребляются просто для того, чтобы определить пространственное положение X-а (*Где дети?* – **Они играют близко от дома*; ср. *около дома*) [Маляр, Селиверстова 1998: 47–51, 233–255]. Отмеченный запрет можно объяснить когнитивной (психологической) установкой – определять пространственное положение объекта через указание на то пространство, в которое этот объект входит, а не через указание на расстояние от другого объекта.

Подобные когнитивные установки часто относят к сфере прагматики. Их также называют прагматическими принципами, влияющими на осмысление и представление денотативных ситуаций. Так, например, А. Герсковиц, которую также можно считать представителем когнитивизма, но которая, в отличие от Р. Лангакера, не снимает различия между прагматикой и семантикой, рассматривает четыре основных прагматических принципа: попадание в фокус внимания (*salience*), типичность, релевантность и толерантность [Herskovits 1988: 284–290].

По-видимому, А. Герсковиц, различая языковое значение и прагматику, в то же время полагает, что действие перечисленных принципов приводит к видоизменению самого значения, что в какой-то степени сближает ее позицию с позицией Р. Лангакера. Однако если последовательно разграничивать языковой концепт (значение) и саму денотативную ситуацию (этот вопрос будет подробнее рассматриваться ниже), то скорее действие перечисленных когнитивных принципов влияет не на значение, а на "обработку" денотативной ситуации, предшествующей выбору языкового знака. Так, в предложении *Книга лежит на столе*, описывающем такую ситуацию, когда книга непосредственно лежит на скатерти или на другой книге (принцип толерантности), происходит, как представляется, не изменение самой семантики предлога *на*, а игнорирование (отбрасывание) несущественных характеристик денотативной ситуации. Правда, перечисленные принципы, по-видимому, могут приводить в действие механизмы метонимических или метафорических переносов и уже через них изменять значение. Примеры подобного типа приводит и А. Герсковиц. Так, она полагает, что метонимический перенос, позволяющий употреблять слово *water* ('вода') не для обозначения всей толщи воды (например, в реке), а только ее поверхностного слоя, происходит под воздействием попадания этого слоя в фокус внимания (*salience*) и "типичности" нахождения описываемого объекта под этим слоем. Так, о человеке обычно говорят *to swim under the water* (русск. *плыть под водой*), а о рыбах, напротив, *to swim in the water* (ср. русск. *плавать в воде*).

Таким образом, представляется, что "прагматические принципы", которые можно определить еще как когнитивные установки, если и влияют на значение языковых знаков, то лишь опосредованно. В других же случаях они воздействуют скорее на когнитивную "обработку" самой денотативной ситуации.

3. Определяя своеобразие когнитивной лингвистики, нельзя не остановиться на вопросе о методах исследования. Представляется, что правы те лингвисты, которые полагают, что особого когнитивного метода нет [Демьянков 1994; Паршин 1991]. Можно согласиться с Л.А. Паршиным, который считает, что основным исследовательским методом для них, как и для многих других лингвистов, является лингвистический эксперимент (см. об этом ниже). Обращение к данным психологии при аргументации выдвигаемых положений также не является принципиально новым. Свообразие американских когнитивистов скорее определяется выбором угла зрения, под которым дается описание. В фокусе их внимания чаще всего оказываются процессы формирования языковых значений или процессы, связанные с их реализацией в акте речи, а не описание "готовых" семантических концептов. Этот подход стимулировал прежде всего исследование путей преобразования, лежащих в основе объединения семантической цепочки, составляющей значения полисемантической языковой единицы, см., например [Brugman, Lakoff 1988], а также процессов создания идиом, например [Lakoff 1987]. Обе эти задачи уже давно ставятся в лингвистике (см., например, работы Д.Н. Шмелева, Ю.Д. Апресяна разных лет), но находятся еще в начале своего разрешения. Важный этап в этом процессе составляют, как представляется, работы когнитивистов.

Менее значимым является стремление когнитивистов построить исследование под углом зрения описания процессов осмысления денотата, которые и позволяющие подвести его под значение рассматриваемого лингвистом слова. Такой путь подачи материала характерен для некоторых работ Р. Лангакера (см., например, описание слова *island* 'остров' в [Langacker 1988: 70–71]). При этом осуществляемые в акте денотации процессы фактически просто выводятся из знания значения и, таким образом, их перечисление ничего не добавляет к описанию².

² Конечно, в дальнейшем будут устанавливаться те когнитивные процессы, которые происходят в акте построения речи, но принципиально новые данные здесь могут быть получены в рамках нейрофизиологических исследований.

Стремление Р. Лангакера построить описание под углом зрения акта соотношения языкового знака с его денотатом проявляется и в отождествлении понятия значения и понятия предикации. Такое отождествление имеет объективное основание. Когда говорящий обозначает описываемый объект с помощью языкового знака, он действительно приписывает этому объекту тот набор свойств, который составляет содержание значения. Тем не менее столь широкое употребление термина *предикация* представляется не совсем удачным, так как снимает различие между собственно синтаксическим явлением и понятием "номинации". Кроме того, в рамках теории коммуникативной организации высказывания представляется важным проводить различие между номинацией, которая происходит как бы до акта построения высказывания (описываемый объект при этом уже представлен в том наборе свойств, которые ему приписывает языковой знак и комплекс "знак и его обозначаемое" предстают как единое целое) и номинацией, которая происходит в момент построения высказывания. Только в последнем случае оправданно говорить о "скрытой" предикации, отраженной в семантической структуре самого высказывания (см. об этом [Селиверстова 1990]).

Примером коммуникативно нечленимой связи между денотатом и знаком, обозначающим его, может служить отношение между существительным *чемпион* и человеком, выступающим в этой функции в предложении: *Чемпион поднялся на пьедестал*. Номинация же в акте построения высказывания может быть проиллюстрирована на соотношении именной группы *молодая красивая девушка* и ее денотата в предложении *Молодая красивая девушка сидела в углу вагона и читала книгу*.

Таким образом, при слишком широком употреблении термина *предикация* не учитываются весьма существенные различия.

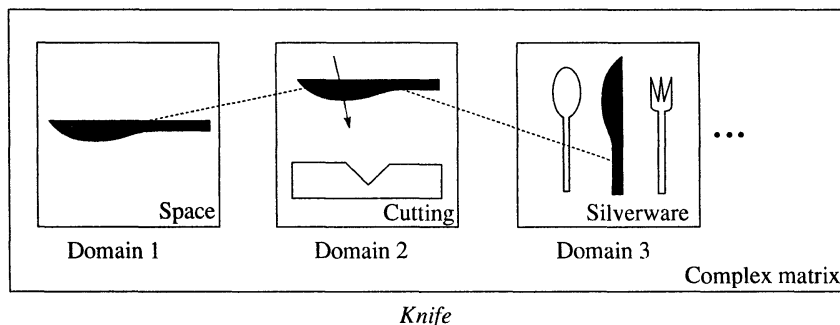
Процессуальный подход перенесен Р. Лангакером и на рассмотрение построения общей семантической системы языка. В соответствии с его гипотезой в основе семантической системы лежат некоторые базовые области (basic domains), которые не сводятся к более простым. Среди базовых областей он выделяет восприятие времени (experience of time), способность концептуализировать конфигурации в двух- и трехмерном пространстве, а также области, ассоциирующиеся с различными органами чувств: цветовое пространство (т.е. набор различных цветовых ощущений), способность воспринимать различную высоту звука и т.д. Полного перечня базовых областей не дается. Подчеркивается только их общий характер (несводимость к более простым) и высказывается гипотеза о том, что наше построение ментального мира начинается с "регистрации" опыта, получаемого в рамках этих основных базовых областей, от которого мы затем переходим к более высоким уровням концептуальной организации посредством особых внутренне присущих когнитивных операций [Langacker 1988: 55].

Проблема выделения исходных, "базовых" областей имеет несомненный научный интерес и в той или иной форме ставится и в других лингвистических работах, см., например, понятие семантических примитивов Анны Вежицкой [Вежицкая 1996].

Гипотеза когнитивистов, в соответствии с которой базовые области создаются по преимуществу (или исключительно?) нашей способностью ощущать звуки, свет, время и т.д., вероятно, во многом оправдана. Действительно, регистрация зрительных, тактильных и других ощущений лежит в основе многих языковых концептов. Вместе с тем, представляется, что далеко не все языковые концепты строятся в результате преобразований опыта подобного типа. Например, большая часть языковых единиц, выражающих категорию посессивности, да и само понятие посессивности как целое, не имеет его в своей основе (об этом см., например [Селиверстова 1990]). Существование подобных семантических категорий свидетельствует о том, что сложные по своему содержанию концепты могут изначально формироваться на более высоких уровнях когниции, чем уровень восприятия и ощущений. В связи со сказанным следует также отметить, что по гипотезе психологической школы конца XIX – начала XX века (Штейнталь, Потебня и др.), которая, как представляется, сейчас

имеет многие подтверждения, языковые значения вообще формируются в результате очень существенной переработки исходного "опыта" (см. понятие апперцепции у А.А. Потебни [Потебня 1999]) на более высоких когнитивных уровнях. Вследствие этого даже те языковые значения, которые связаны с перцепцией, не отражают непосредственно визуальный или тактильный опыт, а определенным образом его интерпретируют. Таким образом, если признавать отличие языковых систем от других когнитивных явлений (Р. Лангакер предлагает снять это разграничение), то языковые значения не восходят прямо к данным перцептивного опыта, хотя, конечно, и могут быть с ними связаны.

Далее, рассмотренная выше трактовка Р. Лангакера семантических связей языковых концептов учитывает только преобразование более простых концептов в более сложные, но, например, по его мнению, понятие треугольника, которое возникает в результате мысленных операций, объединяющих понятие, не дает ключа для понимания построения языковых систем, которые складываются из целого ряда подсистем, имеющих свою иерархичность. Существование этой "другой" иерархичности проявляется и во внутренней структуре отдельного значения, что никак не отражается в описании, предлагаемом Лангакером. Рассмотрим описание слова *knife* 'нож', приводимое Лангакером для иллюстрации своего подхода. Семантические связи этого слова описываются с помощью матрицы, представленной на рис. 2 (многоточие в приведенной схеме означает, что есть и другие понятийные области, с которыми связано значение слова *knife*).

Knife

Рис. 2

Выбор матричной формы описания обусловлен желанием подчеркнуть те разнообразные понятийные области, на которых строится значение слова *knife*. Это описание противопоставлено представлению о том, что значение – это набор примитивов, выступающий в качестве пучка различительных признаков. Можно полностью согласиться с Лангакером, считающим, что составные элементы значений чаще всего не соответствуют примитивам.

Однако отсюда никак не следует ненужность компонентного анализа, необходимость использования которого определяется тем, что принцип системности играет весьма важную роль в организации языка. В неявной форме Лангакер фактически также прибегает к этому методу, когда выделяет области, к которым восходит значение слова *knife*. При этом, однако, принятая им форма представления значения позволяет ему не уделять внимания поискам точного содержания семантических компонентов. Так, не говоря о том, что сам термин *пространство* понимается неодинаково (чаще всего, понятие "пространство" определяется по выполняемой им функции – включать в себя, локализовать другие объекты), его место в семантической структуре слова может быть разным. В работах же американских когнитивистов выражение "имеющий отношение к пространству" (*pertaining to space*) используется очень широко. В рассматриваемом случае оно, по-видимому, означает, что денотат слова *knife*

имеет размер по длине, ширине, толщине и, следовательно, а) занимает какое-то место в пространстве и/или б) сам может выступать в качестве места. Использование в описании таких нечетких метапонятий представляется крайне неудачным, так как главная проблема семантики заключается именно в раскрытии содержания тех концептов, которые составляют значение или являются его частью. Решению этой задачи никак не способствуют указания типа "pertaining to space", в которых снимаются различия, существующие в языке. В данном случае это различие между понятием размерности и понятием пространства. Так, понятие "предмет" несомненно связано с наличием размеров, но не с функцией быть пространством. Например: *не режь этим ножом*, где какое-то отношение к пространству может лишь имплицироваться, но не входит в само содержание значения. Пространственную же функцию предмету придает лишь контекст: *на ноже сидела муха*.

Кроме того, в предлагаемом Р. Лангакером описании не учитывается иерархичность внутренней организации значения: все понятийные области в матрице относятся к одному уровню. В компонентном же анализе составные части значения распределяются по разным уровням. В рассмотренном примере – это 'предмет'; далее: предмет, принадлежащий к числу столовых приборов (или другой вариант: кухонных "инструментов") и т.д. Именно выделение компонентов в рамках анализа семантических систем или подсистем и не позволяет сводить значение к простому "пучку" различительных признаков, а требует раскрытия их внутреннего синтаксиса. Подчеркивая значимость использования компонентного анализа, я не хочу сказать, что он во всех работах применяется удачно: компонентный анализ существует в нескольких разных формах, причем некоторые из них дают весьма упрощенные описания. Кроме того, компонентный анализ не всегда соединяется с верификационными процедурами, использование которых необходимо при любом типе исследований. И, наконец, в разных микросистемах принцип иерархичности и связанный с ним принцип организации значения через набор интегральных и дифференциальных признаков могут быть более или менее воплощены. Вследствие этого компонентный анализ может играть разную роль в исследовании, но полностью практически никогда не может быть отброшен. Его применение, в частности, исключительно важно при изучении синонимических групп (см. об этом ниже).

4. Отмеченный выше отказ от компонентного анализа, за которым стоит недоучет достижений структурализма, служит, как представляется, одной из причин обедненности семантического описания, которое характерно для многих работ американских когнитивистов. Другая причина неполноты описания, с моей точки зрения, связана с влиянием предшествующих традиций: вопреки общетеоретической установке исследователи, фактически, часто описывают свойства денотативной ситуации (денотата), а не то, как она представлена языковым знаком. Такому видению объекта исследования способствует и переоценка значимости перцепции. Эта переоценка приводит к тому, что выделяются по преимуществу концепты, непосредственно отражающие наблюдаемые свойства денотата. Так, в исключительно детальной и по своему блестящей работе К. Бругман и Дж. Лакоффа [Brugman, Lakoff 1988], посвященной слову *over*, устанавливаются в основном денотативные типы, а не значения этого слова (сказанное в первую очередь относится к исходным пространственным значениям этого слова). Именно традицией идти от денотата можно объяснить то, что К. Бругман и Дж. Лакофф связывают одни и те же "пространственные картинки" (imagery schemes) и со словом *over*, и со словом *above*. Эта последняя лексема используется для описания стативного значения *over*. В приводимой ими "картинке" (рис. 3) учитывается только положение траектора (trajector) (т.е. объекта, пространственное положение которого устанавливается; в другой терминологии – это референт) выше того объекта (land-mark), по отношению к которому устанавливается положение траектора (в другой терминологии – land-mark – это ориентир, релятум). Как показали исследования Т.Н. Маляр [Маляр 1995] и К. Ковентри [Coventry 1998], семантика слов *over* и *above* различается и по характеру концептуализации простран-

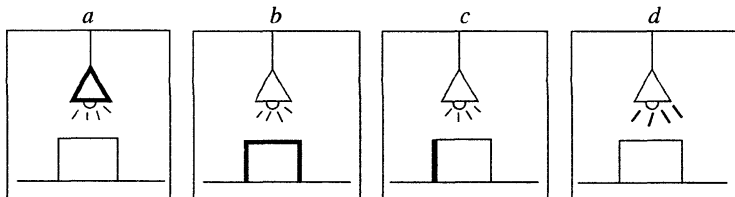

Рис. 3

ства, и по связанным с этой концептуализацией функциональным признакам. В терминологии Т.Н. Маляр предлог *over* задает понятие "области"³, т.е. пространственного сегмента, а) непосредственно примыкающего к ориентиру, в рассматриваемом случае, сверху (т.е. верхняя сторона ориентира является нижней стороной примыкающего к нему пространства); и б) воспринимаемого как "приписанного" ориентиру ("его" пространства). В отличие от этого слово *above* задает плоскость или линию, параллельную ориентиру, но расположенную выше его и отделенную от него и пространственно, и по типу отношения к нему – это отделенный от ориентира пространственный сегмент, не "его" пространство. Таким образом, здесь в отличие от [Brugman, Lakoff 1988], кроме тражектора (обозначим его знаком X) и ориентира (обозначим его знаком Y) вводится пространственный сегмент (S), который и является местом нахождения X-а. Этот пространственный сегмент S по-разному представлен словами *over* и *above*, см. рис. 4.

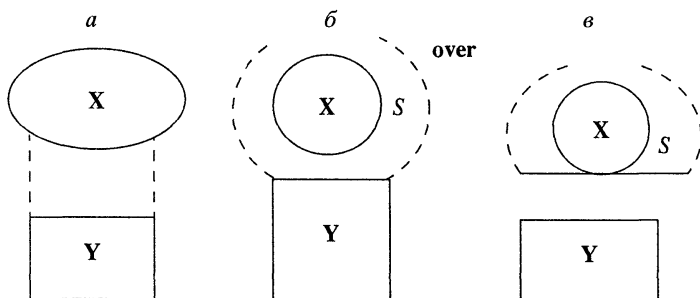

Рис. 4

Вариант а) соответствует изображению семантики *over* и *above* в [Brugman, Lakoff 1988].

Вариант б) и в) приблизительно соответствуют описанию семантики *over* и *above* в [Маляр 1995].

Разные характеристики пространственного сегмента S коррелируют и с разными функциональными признаками, выражаемыми словами *over* и *above*. Так, например, функция "экранирования" Y-а от падающих на него сверху потоков энергии или частиц и т.п. должна связываться с положением X-а в "области" Y-а, а не в пространственном сегменте, отделенном от Y-а, независимым от него. Отсюда можно сказать: *She held an umbrella over her head (*above her head)*. Напротив, положение подноса, который несет над собой официант, должно описываться через предлог *above*, хотя "денотативно" его пространственная позиция может точно совпадать с

³ Это понятие было первоначально введено при описании предлогов "горизонтальной оси" – у, около, возле, by [Маляр, Селиверстова 1993].

положением зонта. Подобных различий по разнообразным функциям очень много (наиболее детально они рассмотрены в указанной работе К. Ковентри). Отмечу только, что все они согласуются с описанным выше различием в пространственной концептуализации.

Из приведенного сопоставления видно, что в работе К. Бругман и Дж. Лакоффа дается обедненное описание приведенного значения предлога *over*. Такая неполнота выявления семантических концептов представляется довольно характерной чертой исследований американских когнитивистов. Отмечу, например, работу А. Герсковиц [Herskovits 1988]. В этой работе пространственным предлогам приписывается некоторое "идеальное значение", описываемое только через набор относительно простых геометрических понятий. Сама А. Герсковиц допускает, что представленное таким образом значение не отражает ту сложную информацию, которая выражается пространственными предлогами, но считает, что в речи происходят определенные отклонения от "идеального" значения и его пополнения, обусловленные контекстом употребления. При этом не выделяются достаточно четкие критерии, которые позволили бы установить, имеет ли место добавление к языковому значению контекстной информации или же все-таки происходит изменение самого значения, а также приводит ли наличие определенного несоответствия между "идеальным значением" и денотативной ситуацией к изменению значения или речь идет о некоторой закономерности построения речи, например, связанной с тем, что говорящий игнорирует несущественные отклонения денотативной ситуации от информации, передаваемой о ней языковым знаком. Здесь имеются в виду случаи типа *книга лежит на столе*, когда она непосредственно лежит на скатерти. Таким образом, в работе предлагается весьма спорное решение проблемы соотношения значения и контекста (данная проблема, как представляется, вообще является одной из центральных для современной семантики), а также принимается упрощенное понимание исходного пространственного значения.

Представление об обедненности собственно языковых лингвистических концептов иногда принимается даже как самоочевидное и кладется в основу других теоретических положений (см. об этом выше).

Характерная для американской лингвистики традиция идти от денотата проявляется, как мне представляется, и в преувеличении роли прототипа в семантике. Можно полностью согласиться с тем, что прототипическое значение часто лежит в основе организации полисемии, хотя, как я думаю, это не единственный тип многозначности. Понятие прототипа здесь в сущности соответствует старому понятию "исходного, или основного" значения. Представление о прототипической организации, однако, распространяется когнитивистами и на структуру отдельного значения. Возможность такого или, точнее, близкого к нему построения значения отмечалась и в других лингвистических направлениях. Так, в исследованиях по функциональной грамматике А.В. Бондарко [Бондарко 1990] большинство категориальных значений представлено как складывающееся из набора вариантов, одни из которых являются центральными, а другие – периферийными. Именно так описана и категория посессивности в работах автора данной статьи, например [Селиверстова 1990]. В этой работе, однако, высказывается предположение, что за всеми выделяемыми вариантами все-таки стоит некоторый инвариантный, хотя и очень нечеткий концепт [Там же: 19–27]. Таким образом, я разделяю взгляды когнитивистов о существовании значений, распадающихся на варианты, объединенные по принципу семейного сходства.

Однако место, занимаемое семантическими структурами такого типа, представляется мне в работах когнитивистов сильно преувеличенным. Как убедительно показано А. Вежицкой [Вежицкая 1996: 201–202], представление о том, что понятие прототипа более точно соответствует структуре значения, часто вызвано просто неправильным толкованием значения. Добавлю к этому, что сами эти неправильные толкования чаще всего определяются тем, что рассматриваются фактически потенциальные денотаты, а не сами концепты. Так, например, как справедливо отмечает

А. Вежбицкая, даже если говорящий, поздравляя кого-то с успехом, совсем не испытывает при этом радости, то это не значит, что изменяется значение самого слова *поздравлять*: оно в любом случае выполняет функции выражения "положительного" отношения говорящего к случившемуся. Что же при этом реально ощущает говорящий характеризует лишь саму денотативную ситуацию.

5. Еще одной характерной чертой американских когнитивистов является поиск общих концептов, проходящих через разные пласты языка, а также важнейших процедур концептуализации, которые могут оказаться показательными для форм и способов протекания процесса мышления. Так, Л. Талми [Talmy 1983; 1988] выделяет целый ряд понятий, которые позволяют увидеть общее в различных категориях глагола и имени. Например, понятие плексии объединяет значение числа существительных и глаголов.

Весьма широко в лингвистике стали использоваться такие понятия как "фигура" и "фон", "профиль", "база", "тражектор" и "лендмаркер", "фрейм", которые были либо вообще впервые введены когнитивистами, либо получили в их работах широкое применение. При всей значимости поисков общих понятий, которые бы пронизывали систему языка, успехи, достигнутые когнитивистами, в этой области представляются несколько преувеличенными. С моей точки зрения, содержание многих введенных метапонятий весьма расплывчато, и они часто вводятся практически без определения. Использование таких метапонятий похоже на измерение температуры с помощью градусника с почти стершимися делениями и неизвестной шкалой (Цельсий и Фаренгейт). Проиллюстрирую сказанное на примере понятий "профиль" / "база", которые используются Р. Лангакером [Langacker 1988].

"Профиль" и "база". "База" языкового значения в понимании Лангакера – это те понятийные области (domains), с которыми соотносится данное значение. Как уже говорилось выше, понятийные области языкового значения Лангакер предлагает представить в виде матрицы. Процесс же профилирования – это собственно выделение какой-то части базы. Лангакер не устанавливает такого отдельного психологического явления, которое непосредственно соответствовало бы профилированию. Он пишет, что данный процесс включает в себя и явления, связанные с выделением фигуры из фона и с установлением как фокуса внимания, так и уровня активизации [Langacker 1988: 59]. Говоря о профиле как о результате проведенного процесса, Лангакер характеризует его следующим образом: профиль включает в себя "те части базы, которые данная предикация (т.е. собственно языковой знак в данном значении. – О.С.) обозначает" [Langacker 1988: 59], причем дезигнация здесь не понимается как отношение между языковым выражением и миром, а как соотношение между общей концептуализацией и определенными ее частями. Понимаемый описанным образом процесс наложения профиля на базу является, по мнению Лангакера, определяющим (ср. *ср. с* *ср.*) для установления содержания любой языковой "предикации" (т.е. значения. – О.С.). Введение понятия Лангакер далее иллюстрирует на ряде примеров, многие из которых, как мне представляется, вряд ли оправданно объединять. Первым из них является слово *гипотенуза*, в значении которого отражено представление своего денотата именно как определенной части треугольника и вне соотношения с понятием "треугольник" оно бы обозначало просто косую линию. Совсем к иному типу, с моей точки зрения, относится другой, также иллюстрирующий понятие "профиль". В него входит набор словосочетаний, соотнесенных фактически с одной и той же денотативной ситуацией: а) *The lamp above the table* 'Лампа над столом'; б) *The table below the lamp* 'Стол под лампой'; в) *The leg of the table below the lamp* 'Ножка стола под лампой' (имеется в виду ножка стола, не отделенная от самого стола); г) *The light of the lamp above the table* 'Свет лампы над столом'. По мнению Лангакера, приведенные словосочетания "противостоят друг другу по своей семантике, но не вследствие различия в концептуальном содержании – мы допускаем здесь наличие единой базы, включающей в себя концептуализацию лампы (отсюда представление о

свете), стола (отсюда представление о наличии ножек), и локативного отношения между ними" [Там же: 61]. Чтение этого приведенного пояснения вызывает недоумение: ведь выше значение было определено именно как концепт и, следовательно, семантическое различие должно предполагать концептуальное различие. Можно, конечно, согласиться с тем, что концепты, выражаемые словами *table* и *lamp*, не изменяются в приведенных примерах, но значения (концепты) предлогов *above/below* прямо противоположны. Если отталкиваться в анализе не от рассмотрения заданной денотативной ситуации, а от значения самих языковых знаков, то очевидно, что словосочетания *the leg of the table* и *the light of the lamp* семантически (и, следовательно, концептуально) не тождественны словам *the table* и *the lamp* соответственно. Если же сопоставить рассматриваемый пример со словами типа *гипотенуза*, *локоть* и т.п., то принципиальное различие заключается в том, что здесь какое бы слово не было выбрано в качестве "головного" (head), оно не характеризует свой денотат как часть некоторого целого. Отношение же денотата "головного" слова к другим элементам общей ситуации задается лишь через другие компоненты словосочетания и саму грамматическую конструкцию. Поэтому сходство между словами типа *гипотенуза* и словосочетаниями типа *лампа над столом* можно увидеть только в том случае, если исследователя интересует лишь суммарная информация о денотате "головного" элемента словосочетания независимо от того, как она представлена в самих значениях. Замечу еще, что теория коммуникативной организации высказывания ("функциональной перспективы") дает более простой и ясный подход к описанию различия в организации информации и, следовательно, в способе представления денотативной ситуации при изменении порядка слов.

6. Если давняя традиция не ставить в фокусе исследования "означаемое" языкового знака все еще отрицательно, как я думаю, сказывается на развитии американской когнитивистики, то другая общая тенденция, а именно стремление сделать лингвистику "точной" наукой, а как следствие этого постоянная проверка предсказательной силы описания, является важнейшим фактором, стимулирующим ее развитие. Правда, сама по себе тенденция превратить лингвистику в точную науку в свое время способствовала отказу от ментализма как от чего-то, как тогда казалось, недоступного экспериментальной проверке, но одновременно сам по себе критерий предсказательности и помогает отбросить неправильные теоретические предпосылки. Так, например, в работах когнитивистов (см. прежде всего [Herskowitz 1988]) была блестяще показана недостаточность модели "простых" (пространственных) отношений, которая использовалась в компьютерной лингвистике, для объяснения функционирования в речи пространственных предлогов и наречий.

Необходимость опираться на принцип предсказуемости описания при работе над современными языками также осознается в европейской и, в частности, русской лингвистике (см. знаменитую работу Л.В. Щербы "О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании"). Однако широта внедрения этого принципа в практику семантических исследований представляется мне гораздо меньшей.

Формы применения эксперимента, проверяющие предсказательность полученного описания, естественно, зависят от того, что рассматривается в качестве объекта исследования. При принятом в американской лингвистике отождествлении значения с условиями истинности устанавливалось, правильно ли предсказывает предлагаемое описание эти условия. В когнитивных работах, несмотря на то, что изменилось понимание значения, сохранилось представление о том, что семантическое описание должно устанавливать все особенности употребления, и тот факт, что описание значения не предсказывает их полностью, заставил когнитивистов ослабить требование предсказательности. Так, Р. Лангакер пишет: "ожидать полную предсказуемость в большинстве случаев нереалистично: многое носит приблизительный характер (much is a matter of degree), и роль условий очень существенная" [Langacker 1988: 4].

Сказанное безусловно справедливо по отношению к возможностям употребления языковой единицы, но если значение языковой единицы – это концепт, т.е. явление

принципиально отличное от денотативной отнесенности и, больше того, если признать справедливым прозрения лингвистов психологической школы конца XIX и начала XX веков о том, что эти концепты соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (переосмысления) получаемой извне информации (см. об этом выше), то почему вообще ожидать от описания значения такой предсказуемости. Существование разных явлений, взаимодействующих в актах формирования и понимания речи, заставляет, как представляется, отдельно говорить о разных аспектах предсказательности. Во-первых, о способности семантического описания предсказывать само значение, т.е. то, как будет представлен денотат, если он будет обозначен описываемым языковым знаком (причем здесь учитывается только "вклад" самого знака, а не общего контекста, в котором он использован, или общих знаний о мире). Во-вторых, – о том, в какой степени само значение предопределяет денотативную отнесенность и вообще условия употребления языкового знака. В-третьих, – насколько полно предлагаемое семантическое описание учитывает все те факторы, которые наряду с значением влияют на возможности функционирования языкового знака в речи и, в частности, на его понимание.

В отношении самого значения, как я думаю, можно ожидать и требовать полную предсказательность. Понятно, что при доказательстве правильности постулируемой гипотезы относительно значения той или иной языковой единицы исследователь не может не обращаться к контекстным условиям ее употребления и к возможности ее соотношения с различными типами денотатов, но для этого достаточно отобрать так называемые "диагностирующие" контексты и денотативные ситуации. Свое понимание данной проблемы я рассмотрела в [Селиверстова 1980].

Говоря о предсказуемости семантического описания, нужно в то же время иметь в виду, что в самом значении могут быть заключены довольно неопределенные представления. Так, предложение *Иди прямо* совсем не означает, что нужно обязательно идти строго по прямой линии. Оно показывает лишь, что "результатирующее" движение должно приблизительно соответствовать прямой, что не исключает возможность временных небольших отклонений. Как я думаю, нет никакого основания считать, что допустимость подобных отклонений свидетельствует об искажении в речи "идеального" точного значения. Скорее есть основания говорить, что "точное" описание значения должно отразить содержащиеся в нем "приблизительные" представления.

Даже при отсутствии неопределенности в самом значении, степень выводимости из него обязательных и необходимых свойств денотатов в сильной степени зависит от ряда других характеристик отдельных значений. Так, очень обобщенный и абстрактный характер многих языковых концептов часто не позволяет полностью определить условия истинности употребления языковой единицы. Сюда, например, относятся большинство оценочных слов (*хороший, добрый, красивый, хорошенький* и т.п.), которые не содержат в своем значении строгих критериев, позволяющих определить, какие объекты соответствуют данным оценкам, а какие – нет. Далее, многие семантические представления, фактически связанные с количественными характеристиками, в языке определены лишь качественно. Отсюда естествен довольно большой разброс в субъективных представлениях о том, какое, например, именно расстояние связывается у разных говорящих с понятием близости, даже при заданном типе ситуации. Так, при том же самом расстоянии места жительства от метро оценка его как близкого или не близкого может расходиться у разных респондентов.

Подобно этому, хотя носители русского и английского языков осознают, что рассмотренное выше понятие "области", входящее в семантику предлогов *over, у, около, возле (стоять у шкафа)* предполагает наличие внешней границы, дальше которой оно не распространяется, место, где проходит эта граница, можно определить лишь приблизительно.

Неполная выводимость из значения языковой единицы его экстенционала определяется также, как справедливо отмечал Р. Лангакер, существованием конвенциональных употреблений. При этом, однако, неверно было бы считать, что они аб-

солютно произвольны. Поэтому важно выделить предпосылки их возникновения. Возможно, главный источник появления конвенциональных употреблений связан с существованием денотатов и денотативных ситуаций, которые по своим объективным свойствам допускают разное осмысление. Так, например, если место нахождения (Y) некоторого объекта (X) характеризуется наличием впадин и выпуклостей (горы, холмы и т.п.), то появляется потенциальная возможность "увидеть" ситуацию, с одной стороны, как нахождение X-а на поверхности Y-а и, следовательно, описать ее через предлоги типа *na, sur, on*, а с другой стороны – как нахождение внутри объемного слоя, создаваемого чередованием впадин и выпуклостей и, следовательно, описывать ситуацию через предлоги *в, dans, in*. При возникновении подобных "двусмысленных" ситуаций могут иногда допускаться разные способы их представления, но во многих случаях устанавливается единое для носителей данного языка конвенциональное представление ситуации. Например, русск. *в горах*, но: *на холмах; на Урале, на Кавказе*, англ. *in the mountains, in the hills*.

Существование конвенциональных осмыслений "двусмысленных" денотативных ситуаций свидетельствует о необходимости выделять особый уровень концептуализации, который предшествует ее обозначению через языковой знак [Селиверстова 1975: 11]. Среди когнитивистов данный уровень описания выделяется только Л. Талми. Он употребляет здесь термин "культурный предвыбор" [Talmy 1983].

Кроме перечисленных причин, определяющих неполную выводимость "правильной" денотативной отнесенности из семантического содержания значения, отмечу еще возможность расхождений в индивидуальном осмыслении мира отдельными говорящими. Например, слова Иешуа в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита" о том, что все люди добры, как бы противоречащие наблюдаемым фактам, определяются видением природы человека как исходно светлой, которая может лишь в той или иной степени исказиться внешними влияниями.

Таким образом, семантическое описание должно адекватно представлять само значение языкового знака, но не имеет полной предсказательной силы по отношению к условиям его функционирования. Особенности в денотативной отнесенности и сочетаемости, не выводимые прямо из значения, но присущие всем носителям языка, должны просто задаваться списком или через определенные модели сочетаемости. При этом, однако, существенно выявление причин появления конвенциональных употреблений, связанных, в частности, с интерпретацией "двусмысленных" ситуаций. Выделение таких ситуаций позволяет предсказать условия, в которых эти конвенциональные употребления могут возникнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1996 – Постулаты когнитивной семантики. ИАН СЛЯ. Т. 55. 1996. № 6.
- Бондарко А.В. 1990 – Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Вежицкая А. 1996 – Прототипы и инварианты. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Виноградов В.В. 1986 – Русский язык. М., 1986.
- Демьянков В.З. 1994 – Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. 1994. № 4.
- Кисевич В.Б. 1998 – О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998.
- Кубрякова Е.С. 1994 – Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика–психология–когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4.
- Кубрякова Е.С. 2002 – Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в среде словообразования // ИАН. СЛЯ. Т. 61. 2002. № 1.
- Маяр Т.Н., Селиверстова О.Н. 1993 – Понятие "пространства" и расстояния в семантике некоторых русских и английских предлогов и наречий // Типологические и сравнительные методы в славянском языкознании. М., 1993.

- Маляр Т.Н. 1995 – О семантике предлога *over* // Концептуализация и когнитивное моделирование мира. Сб. научных трудов МГЛУ. № 430. М., 1995.
- Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. 1998 – Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в современном русском и английском языках. Мюнхен, 1998.
- Паришин Л.А. 1991 – Предисловие // Л. Талми. "Отношение грамматики к познанию" // Вестник МГУ. Сер. 9. 1991. № 1.
- Потебня А.Н. 1999 – Мысль и язык. М., 1999.
- Рахилина Е.В. 2000 – О тенденциях в развитии когнитивной семантики – ИАН СЛЯ. Т. 59. 2000. № 3.
- Селиверстова О.Н. 1975 – Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова О.Н. 1976 – Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Селиверстова О.Н. 1980 – Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1980.
- Селиверстова О.Н. 1990 – Контрастивная синтаксическая семантика. М., 1990.
- СЛТ 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Степанов Ю.С. 1998 – Язык и метод. М., 1998.
- Brugman Cl., Lakoff J. 1988 – Cognitive topology and lexical networks // Lexical ambiguity resolution / W. Cottrell, M. Tanenhaus (Ed.). Small St., 1988.
- Coventry K.R. 1998 – Geometry, function, and the comprehension *over*, *under*, *above* and *below* // Proceedings of the cognitive science society / M.A. Gernbacker, S.J. Derry (Ed.). Mahwah (New Jersey); London, 1998.
- Herskovits A. 1988 – Spatial expressions and the plasticity of meaning // Topics in cognitive linguistics / B. Rudzka-Ostyn (Ed.). Leiden, 1988.
- Lakoff J. 1987 – Women, fire, and dangerous things. Chicago, 1987.
- Langacker R.W. 1988 – A overview of cognitive grammar // Topics in cognitive linguistics / B. Rudzka-Ostyn (Ed.). Leiden, 1988.
- Talmy L. 1983 – How language structures space // Spatial orientation. Theory, research and application. New York, 1983.
- Talmy L. 1988 – The relation of grammar to cognition // Topics in cognitive linguistics / B. Rudzka-Ostyn (Ed.). Leiden, 1988.